

Шведский балет и российская таможня

У многих россиян под влиянием книг Астрид Линдгрен и надежного, как гранитная скала, автомобиля «Вольво» сложилось вполне определенное представление о Швеции и шведах. Для них это добрая и спокойная консервативная страна, невозмутимым жителям которой неведомы порывы страсти и потрясения и где размеренную рутину обеспеченной жизни скрашивают невинные детские проказы. Но Швеция — это и бунтарь Стриндберг, ломавший общепринятые каноны и обожавший жизнь в центре урагана, им же самим часто и созданном. С этой частью шведской национальной души сейчас могут познакомиться москвичи. В столицу впервые приезжает один из самых знаменитых в мире коллективов современного балета — «Куллбергбалетт» из Стокгольма. «Куллбергбалетт» в среду и четверг даст два выступления на главной сцене Большого театра, «Жизель» в нетрадиционной постановке Матса Эка. Режиссер сумел придать этому одному из самых старых балетов, созданному в 1841 году, современное звучание, пиком триумфального шествия новой версии «Жизели» по сценам мира стала покупка балета Парижской оперой и «Ла Скала».

Накануне поездки труппы в Москву наш корреспондент встретился с режиссером «Куллбергбалетта» Михаэлем Енсенем, согласившимся познакомить наших читателей с историей знаменитого коллектива и его закулисной жизнью.

— Наша группа носит имя его создательницы, танцовщицы и режиссера Биргитт Куллберг, которая умерла месяц назад, — рассказывает Михаэль. — В конце 20-х годов она втайне от родителей-буржуа сбежала в Стокгольм, чтобы учиться танцам, и всю жизнь была бунтаркой, вначале неизвестной, а потом всемирно знаменитой.

По словам моего собеседника, создательница коллектива разрушила шведскую цитадель классического балета, вдохновленная английскими и американскими танцевальными веяниями, а потом пошла дальше, создав собственное направление, которое можно назвать «драматизмом будней»: даже в небольших событиях обычной жизни она искала конфликт и перекладывала это движениями танца.

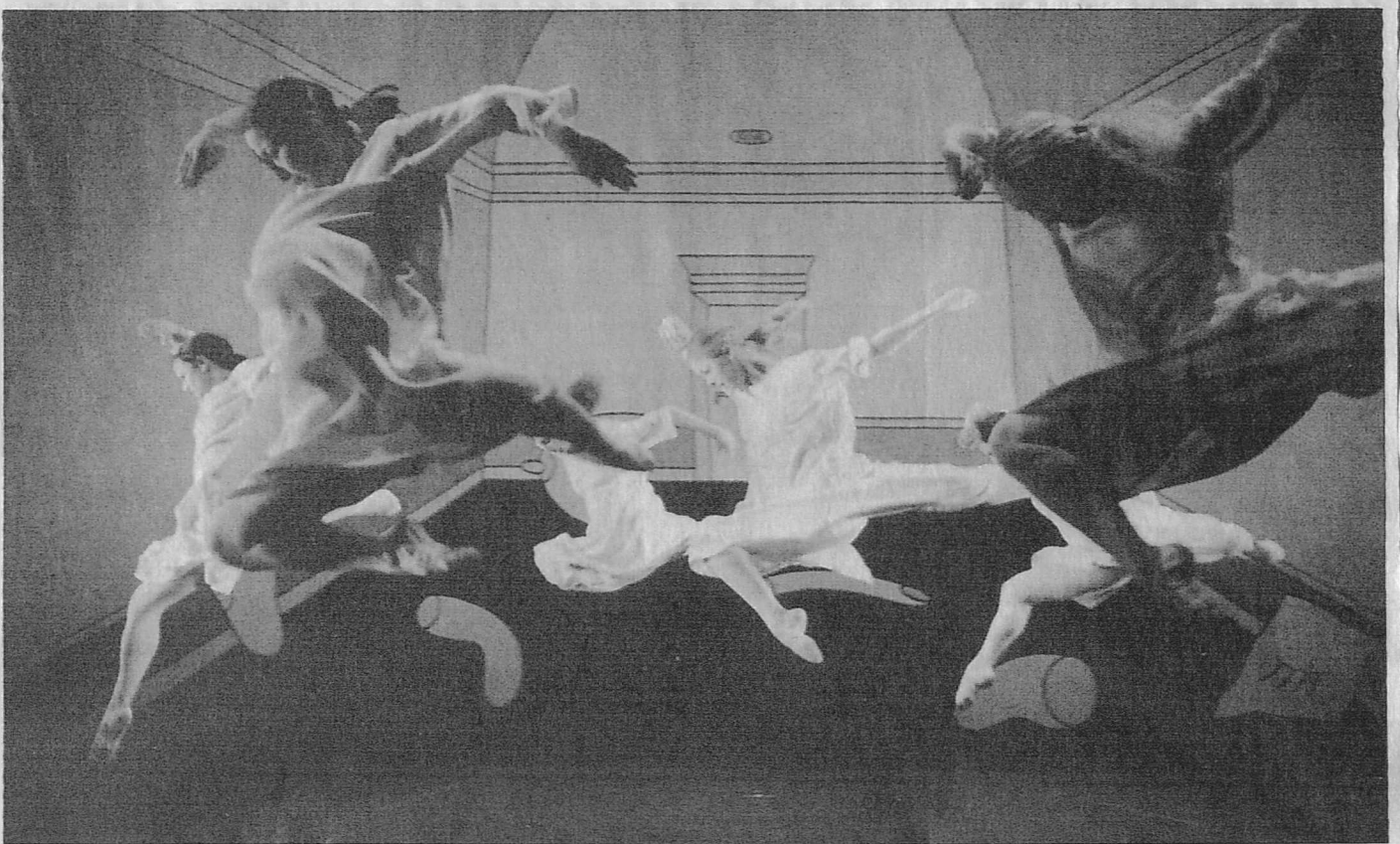
Прежняя идея балета — доставлять прежде всего эстетическое наслаждение — была разрушена, движение стало средством передачи внутреннего состояния героев. В своей режиссуре Биргитта Куллберг соединила «красивую», традиционную пластику балета и «низкие» движения. Не случайно, что свой первый знаменитый бунтарский балет она сделала по произведению другого возмутителя спокойствия — Стриндберга, переведя на язык танца его «Фрекен Жюли».

«Ей везде, как тарану, приходилось пробивать «классическую» стену, — смеется Михаэль Енсен, — тяжелее всего пришлось с Рудольфом Нуриевым, когда он должен был играть Жака во «Фрекен Жюли» в Париже. Он никак не хотел отказаться от своего «красивого» танца, школы Большого театра, но в результате стал одним из лучших учеников школы нового направления».

Нынешний художественный руководитель балета Матс Эк, сын Биргитт Куллберг, развил бунтарскую традицию, работая на стыке драматического театра и балета. Самую известную его работу «Жизель» и увидят на этой неделе москвичи. Классическая фабула балета — любовь крестьянской девушки Жизели и принца — значительно переработана. Действие перенесено в наши дни, а конфликт личностей персонажей придана максимальная, почти гротескная острота. Жизель стремится вырваться из-под влияния своего деревенского поклонника Хилариона: свой танец она начинает, привязанная веревкой, от которой на глазах зрителей освобождается. Любовь Жизели к принцу остается безответной, он связан обещанием придворной даме, и происходит трагедия. Но девушка не умирает, попадая в царство мертвых, как в классической версии, а оказывается в психиатрической лечебнице. И здесь следует сцена, считающаяся наиболее революционной в новой версии балета. Пришедший посетить Жизель принц понимает, что ради светских условностей пожертвовал главным в жизни. Происходит сцена очищения и возвращения к истокам, которая в танце усиливается необычным образом: принц скидывает свои белые одежды и танцует обнаженным.

— Как воспринимают эту сцену зрители в разных странах мира? Не было ли обвинений в протаскивании на сцену порнографии, не укрепило ли это миф о шведской сексуальной распушенности?

— В том-то и заключается талант танцоров и режиссера, что у зрителей ни на минуту не возникает мысли о недопустимости такого приема, все сделано крайне целомудренно, — уверяет меня Михаэль Енсен. — У нас и в других балетах танцорам приходится выступать обнаженными, но лишь однажды случился казус. Один парень танцевал в Брюсселе в балете «Она бы-

«Куллбергбалетт» ломает привычные стереотипы о шведах.

ла черной» в постановке Матса Экмана, он должен был выйти обнаженным, лишь в красных башмаках и красных носках. И вдруг видит из-за кулис, что в первом ряду сидит его мама. Ужас, замешательство. Ну делать нечего, он носки чуть ли не до колен натягивает, и высказывает на сцену. Обошлось. Маме балет так понравился, что она сына даже не ругала.

— Как случилось, что вы будете танцевать на сцене Большого театра? Связаны ли с этим какие-то сложности?

— Хотя «Куллбергбалетт» выступал на всех знаменитых сценах мира, Большой в Москве — это нечто особенное, — говорит режиссер. — Мы очень горды, что Борис Васильев пригласил нас в Россию. Я уже приезжал в сентябре в Москву для переговоров, просто в восторге от ваших людей. У меня было представление, что русские чопорные, формальные, вероятно, это от встреч с вашими бюрократами за границей в советские времена, а все оказались очень душевными и открытыми. Сцена просто гигантская. Надо увеличивать количество движений, там, где было пять шагов, танцоры должны пробежать чуть не десять, движения должны быть более размашистыми, иначе пространство не заполнить. Но с этим, я думаю, мы справимся на генеральной репетиции во вторник. Большая сцена в принципе отвечает нашему стилю: сила чувств, выраженная в мощной размашистой пластике.

По словам Михаэля Енсена, некоторые танцоры побаивались ехать из-за последних взрывов в Москве, но посольство Швеции заверило, что риск не слишком большой.

— Мы танцевали даже во время военного путча в Аргентине, когда нас в театр и в гостиницу возили с военным эскортом, и то ничего, — бодро добавляет мой собеседник.

— Шведы известны как очень осторожные люди. За границу они, как правило, отправляются со своим кофе, хрустящими хлебцами и специальными лопаточками для резки сыра. Как с этим обстоят дела у «Куллбергбалетта»?

— Ну, во-первых, у нас в труппе — полный интернационал: кроме шведов, есть танцоры из Израиля, Норвегии, Финляндии, Великобритании, Франции, Италии

и Болгарии, так что шведская предусмотрительность основательно подорвана расслабляющим зарубежным влиянием, — смеется Енсен. — Во-вторых, хуже того, что случилось не так давно в Мексике, в Москве уже не будет. В Мексике весь балет чем-то так сильно траванулся, что мы танцевали «Жизель» с дополнительным режиссером: выставили за кулисами в ряд жестяные ведра для определенных целей. А осветителя так прихватило, что он просто работал весь вечер, сидя на ведре со спущенными штанами.

— Почему для показа в Москве была выбрана только «Жизель», ведь у «Куллбергбалетта» есть и другие, не менее интересные спектакли, в том числе и на музыку российских композиторов?

— Наш репертуар сократила наша российская таможня, — говорит Михаэль Енсен, — кроме «Жизели», мы собирались показать еще и сборный балет, куда вошли части других наших удачных постановок, но оказалось, что одно только перечисление предметов реквизита займет минимум три дня работы. Нигде в мире таможня не требует таких подробностей. Везде пишешь в таможенной декларации просто: «ящик с костюмами», а у вас надо перечислить все трико, все подтяжки, как будто мы «челноки» и везем все это на продажу. То же самое с остальным оборудованием. У нас двадцать свинцовых чушек для растяжек кулис — надо наклеить на каждую инвентарный номер и все перечислить по весу. Если везе, от Австралии до США, достаточно указать: «ящик с электрическими кабелями», то при пересечении российской границы надо непременно сообщить, сколько там метров. Мы слышали, что у вас проблемы с контрабандой цветных металлов, но мы едем в Большой не для того, чтобы на обратном пути ограбить Россию! Вот и получилось, что наших сил хватило только на «Жизель», исписать километров деклараций для остальных балетов просто не было времени.

Но режиссер «Куллбергбалетта» привык во всем находить положительный момент, поэтому тут же добавляет:

— Зато избежим неожиданностей со «Спящей красавицей», которая входит в нашу «солянку». У нас этот балет Чайковского поставлен как антирасистский совре-

Любовь Жизели к принцу остается безответной.

менный спектакль, там танцоры даже говорят немного, причем каждый по-своему на языке той страны, где мы гастролируем. В Германии недавно были неприятные сцены, когда часть зрителей уходила во время спектакля, демонстративно хлопая дверями. Там еще полно расистов. Это было, когда один из танцоров обращался к другому, загроможденному под черное: «Ausländer raus», «Иностранцы — вон!». В Большом, вполне возможно, наш танцор, изображающий расиста, выкрикнул бы: «Кавказцы — вон!». Не знаю, какую реакцию это вызвало бы в зале. Почему-то другая сцена «Спящей красавицы», где она заснула от чрезмерной дозы наркотиков, таких протестов не вызывает.

Рассказывая о взаимоотношениях в коллективе, Михаэль Енсен подчеркивает, что у них сохранилась «левая» традиция, заложенная еще при возникновении коллектива:

— Никакого разделения на звезд и массовку у нас нет, все — от режиссера до актеров — получают одинаково, надбавки только в зависимости от возраста и стажа. Мы даже при расселении в гостинице ставим всех в равные условия, не как в других коллективах: главрежу и звездам — люксы, остальным — что похуже. Для этого мы присылаем в гостиницу обычный список состава, без указания должностей. И главные роли все играют по очереди, в массовке никто не засиживается.

— Но не снижается ли от такой уравниловки общий уровень, ведь талант у всех разный?

— У нас все талантливые! Средний возраст танцоров 28 — 30 лет — несколько выше общемирового стандарта. Нам не нужны хорошо танцующие куклы, танцор должен сформироваться как личность, у нас ведь синтез балета и драматического представления. Поэтому каждый по-своему хорош в главной роли, нам нет нужды делать ставку на звезд, вытягивающих все представление.

Такой внутренний демократизм «Куллбергбалетта» объясняется еще и тем, что коллектив входит в государственное актерское объединение Рикстеатр, созданное для культурного обслуживания провинции.

— Швеция — большая и малонаселенная страна, в каждом маленьком городе свой театр имеет накладно, а доступ к культуре должен быть у всех более-менее равный, — рассказывает Михаэль Енсен. — Поэтому и было создано такое объединение гастролеров в Стокгольме, главная задача которого — культурное «окучивание» провинции. Сегодня мы играем перед шахтерами на севере, в Кируне, а завтра летим в Италию выступать в «Ла Скала». И везде уровень выступлений — одинаково высокий. Так что наши «новые русские» в Большом, если они, конечно, туда придут, к кругу избранных приобщиться не смогут: для нас все зрители одинаковые — и фермер, и директор банка. Мы провинциальный балет, который просто сумел завоевать метрополию.

Стокгольм.